

ВЛИЯНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПОЛИТИКУ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Олег КАЛИНИН
МГИМО МИД России

Рецензия на книгу:

Diesen G. (2021) *Great Power Politics in the Fourth Industrial Revolution: The Geoeconomics of Technological Sovereignty*. I.B. Tauris, 272 p.

Ключевые слова: Четвертая промышленная революция, США, Китай, Россия, геэконо- мика, технологический суверенитет

Концепция Четвертой промышленной революции¹ (4ПР) является одним из наиболее популярных подходов для исследования влияния современных технологий на мировую политику. Этому способствует стремительное развитие и распространение искусственного интеллекта (ИИ), технологий аддитивного производства (3д-принтеры), технологий распределенного реестра (блокчейн), больших данных и т.д. Постепенная интеграция данных технологий в общество и их влияние на мировую политику становится все более значительным. Одной из актуальных работ, посвященных влиянию современных технологий на мировую политику, является «Политика великих держав в эпоху Четвертой промышленной революции: геээкономика технологического суверенитета» авторства профессора Университета Юго-Восточной Норвегии Гленна Дизена.

¹ Прим. автора: согласно концепции 4ПР, технологические изменения являются движущей силой преобразований во всех сферах жизни общества. Более того, на определенных этапах истории появляется ряд технологий, общее воздействие которых значительным образом выходит за рамки постепенного повышения эффективности.

Калинин Олег Владимирович – аспирант МГИМО МИД России.
ORCID: 0009-0003-8312-1288.
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 24.10.2023

Принята к публикации: 30.10.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

В рамках исследования автор пытается ответить на вопрос, каким образом Четвертая промышленная революция (4ПР) повлияет на геозкономическое противостояние великих держав. Профессор Дизен высказывает гипотезу, что 4ПР повысит значение технологического суверенитета и повлияет на инструменты воздействия государств на мировую политику, которые включают в себя экономическое влияние, военное влияние, мягкую силу и контроль над коммуникацией.

По мнению автора, после завершения Холодной войны геозкономика сменила геополитику в качестве основной переменной, определяющей влияние великой державы на мировую политику. Подобное изменение связано с тем, что влияние государства на современной международной арене стало определяться в большей степени контролем над глобальными рынками, чем мощностью армии и размером территории.

Дизен смотрит на исследуемую проблему через призму теории неоклассического реализма. В рамках данной теории признается анархичная природа международной системы и превалирующая роль государств в международной политике, а также учитывается конфликтность стран в борьбе за ресурсы и власть. Кроме того, существенное внимание уделяется внешним и внутренним обстоятельствам (переменным), которые формируют внешнюю политику государства и оказывают непосредственное влияние на международные отношения.

Использование именно этой парадигмы для анализа влияния технологий на политику великих держав представляется оправданным, поскольку появление новых технологий традиционно приводит к созидательному разрушению² и общественному кризису, который потенциально может перерасти во внешние потрясения в мировой политике. Учитывая тот факт, что современный мир становится все более взаимосвязанным, кризис внутри одной великой державы не может не оказать влияния на других участников мировой политики.

В качестве основных великих держав Дизен выделяет США, Китай и Россию, определяя для каждой из них особенную роль: Соединенные Штаты – лидер, Китай – государство, бросающее вызов современному миропорядку, и Россия – догоняющая держава. Автор обосновывает свой выбор великих держав тем, что только эти страны оказывают влияние на глобальном уровне и проводят по-настоящему независимую политику – в случае России и Китая вопреки желаниям гегемона (США).

Аналогично тому, как во время третьей промышленной революции (3ПР) сам факт обладания ядерным оружием был ключевым индикатором статуса великой державы, развитие технологий на основе ИИ и больших данных является необходимым условием для сохранения великодержавного статуса

² Прим. автора: понятие «созидательного кризиса» было впервые использовано немецким экономистом Вернером Зомбартом, а затем популяризировано австро-американским экономистом и социологом Йозефом Шумпетером. Под этим явлением понимают процесс т.н. индустриальной мутации, который непрерывно реконструирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую.

в эпоху 4ПР. По степени революционности для своего времени автор полагает ИИ равной технологии электричества и двигателю внутреннего сгорания – его развитие окажет значительное влияние на военно-экономическое соперничество на международной арене.

Принимая во внимание, что геополитика, по мнению Дизена, больше не является основным критерием эффективности политики великой державы, концепция «баланса сил» находит свое отражение в геоэкономике в виде «баланса зависимостей». Предположение о том, что экономическая взаимозависимость приводит к преодолению международного соперничества, часто не подтверждается в реальном мире, т.к. чаще всего экономические связи между государствами асимметричны. Так, например, экономическое взаимодействие Лаоса и КНР не наращивает взаимозависимость двух стран, а приводит к тому, что Лаос теряет свою автономность. Устойчивое и взаимовыгодное сотрудничество возможно только в условиях баланса зависимостей и желания сохранить статус-кво.

Гленн Дизен утверждает, что в эпоху 4ПР великие державы стремятся добиться технологического суверенитета и используют инновационные технологии для формирования асимметричной зависимости других государств и наращивания собственного влияния. В результате этого торговля практически заменяет военные методы воздействия. При этом особое значение имеет торговля в стратегических индустриях, характеризующихся высокой востребованностью, низкими возможностями для диверсификации и практически монополистическим характером, т. к. именно монополии позволяют конвертировать экономическое влияние в политическое.

Стратегические индустрии могут основываться как на природных ресурсах, так и на технологиях. 4ПР еще в большей степени повысит значение технологических отраслей промышленности, что, в свою очередь, может привести к жесткой конкуренции между государствами за технологии, подобно тому, как во время прошлых промышленных революций страны стремились добиться контроля над источниками угля, нефти и газа.

При этом государствам-лидерам и догоняющим странам важно использовать разные стратегии технологического развития. Страны-лидеры (США и КНР) заинтересованы в максимизации преимуществ технологического лидерства и стремятся замедлить распространение технологий для окупаемости инвестиций (например, широко используют права на интеллектуальную собственность). Напротив, таким догоняющим странам, как Россия, следует пытаться использовать тактику «технологической подготовленности», заключающейся в наблюдении за созданием технологий в государствах-лидерах и, по возможности, быстрой доработке и интеграции технологий внутри страны. И в то же время выступать за ускоренное распространение новых технологий на международной арене. Данная стратегия может быть успешной, т.к. России с учетом санкций со стороны США и ЕС крайне проблематично конкурировать с КНР и США по объему и эффективности инвестиций в НИОКР.

В то же время в ответ на формирование асимметричной зависимости активно проявляются тенденции к технологическому суверенитету и технонационализму. Одним из примеров данной тенденции выступают агрессивные запретительные действия правительства США в отношении компании *Huawei*. Как только китайская компания стала лидером в развитии 5G технологий и ее продукция стала активно распространяться по миру (включая союзников США), то против нее началась активная санкционная борьба, так как впервые в современной истории развития технологий Соединенные Штаты не стали лидером технологий новой критической инфраструктуры. Осознавая свою неспособность конкурировать с *Huawei* в развитии сетей 5G, США воспользовались санкционными мерами как единственным доступным способом регулирования. И союзники США были вынуждены их поддерживать. Подобные действия Соединенных Штатов подтверждают, что технологии являются частью противостояния великих держав, пожалуй, даже в большей степени, чем предметом бизнес-деятельности.

Анализируя историю 1ПР и 2ПР, автор приходит к выводу, что как только государство достигает значительного технологического превосходства и приобретает статус гегемона, то на международной арене оно начинает продвигать идеи либерального капитализма и открытую торговлю с минимальным вмешательством государства в экономику. Связано это с тем, что в условиях отсутствия торговых ограничений гегемону намного проще закрепить технологическое лидерство на рынках менее развитых стран. Этим обусловлена позиция Дизена по защите национального рынка в противовес полностью свободной торговле.

Так, например, перед тем как достигнуть технологического лидерства в 1ПР, Великобритания в начале XIX в. активно использовала политику меркантилизма (протекционизм, импортные пошлины, промышленные субсидии и т.д.), но уже во второй половине XIX в. стала поддерживать принципы открытого рынка с целью закрепления собственного технологического лидерства. В частности, отмена «Хлебных законов» в 1846 г. позволила Британии открыть рынки других стран и заполнить их промышленной продукцией в обмен на разрешение поставлять сельхозпродукцию на свою территорию. Получив доступ к рынкам стран с менее развитой промышленностью, Британия снижала стимулы промышленного развития данных рынков и формировала международное разделение труда, при котором промышленная продукция производилась в Великобритании, а сельхозпродукция – в континентальной Европе. Автор считает, что в условиях отсутствия свободного рынка Великобритания опасалась, что Германия и США преуспеют в развитии промышленности и впоследствии снизят значение британского технологического преимущества.

Подобные опасения были оправданными, поскольку в период с 1865 по 1932 гг. США активно защищали национальную промышленность с помощью высоких тарифов и субсидий, развивали железные дороги, создали национальный банк. Данные действия были направлены на снижение зависимости от Великобритании и полностью себя оправдали – после Второй мировой

войны промышленные возможности США позволили американским корпорациям доминировать в технологическом секторе. В дополнение к этому, приток талантливых специалистов из стран-конкурентов позволил США занять позицию гегемона и стать технологическим инноватором с самого начала ЗПР (1960 – 1990 гг.).

Лидерство США в развитии цифровых технологий вызывало опасения «технологической колонизации» у западноевропейских стран. Однако, как отмечает автор, в то же самое время Евросоюз проповедовал России добродетели либерального капитализма и необходимость сохранения открытого рынка для европейских корпораций и технологий.

В отличие от России, которая, по мнению автора, согласившись на принципы свободного рынка, попала в либеральную ловушку разделения труда и тем самым спровоцировала деиндустриализацию, Китай воплощал стратегию переноса глобального производства на собственную территорию. При этом Китай настаивал на том, чтобы зарубежные компании создавали совместные предприятия с китайскими корпорациями и осуществляли трансфер технологий. Таким образом, Китай сформировал собственное геоэкономическое влияние, основанное на контроле над производственными мощностями, транспортными коридорами и финансовыми инструментами для переустройства глобальных цепочек поставок вокруг КНР.

Одной из особенностей ЗПР является то, что ключевые технологии разрабатываются не государствами (например, как в случае с ядерным оружием), а частными технологическими корпорациями – негосударственными акторами мировой политики. Именно поэтому государства сталкиваются с необходимостью правильно выстроить взаимодействие с ТНК, так как действующая в прошлом концепция – «Что хорошо для *General Motors*, хорошо и для Америки» – уже не всегда работает при взаимодействии с ними. Ведь достаточно часто ТНК видят национальные границы как препятствия, а правительства как пережиток прошлого, и стремятся к тому, чтобы их воспринимали в качестве глобальных корпораций.

По мнению автора, рыночное влияние технологических ТНК делает их практически неуправляемыми. Единственное, что остается делать государству – вмешиваться в их деятельность (тем самым уменьшая их конкурентоспособность) или же контролировать их, тем самым сдвигая страны в сторону авторитаризма. Поэтому самым оптимальным вариантом остается использовать законодательство, стимулирующее технологические корпорации действовать в интересах государства.

Дизен обращает внимание на то, что ЗПР характеризуется развитием технологических ТНК не в рамках одного продукта (оптимизация издержек за счет эффекта масштабирования), а благодаря охвату различных сфер деятельности (снижение затрат за счет производства продуктов разного типа). Связано это с тем, что большее количество продуктов увеличивает число пользователей и предоставляет корпорациям больше данных для развития алгоритмов ИИ. Таким образом, эффект охвата (*economies of scope*) для циф-

ровых компаний важнее, чем эффект масштабирования (*economies of scale*). Поэтому создание собственных экосистем и расширение сфер деятельности делает ТНК устойчивыми и увеличивает их рыночное влияние. Уже сейчас технологические ТНК приобретают СМИ (как, например, основатель *Amazon* Д. Безос владеет газетой *The Washington Post*³), чтобы оказывать воздействие на медиaprостранство. Другие корпорации (*Google*, Яндекс и др.) реализуют проекты по созданию беспилотных транспортных средств и вступают в прямую конкуренцию с глобальными автомобильными концернами.

Нельзя не отметить и влияние в нынешних технореалиях новых коммуникационных технологий на политическую коммуникацию. Изначально ожидалось, что распространение социальных сетей приведет мир к демократизации и большей свободе, но на деле отсутствие контроля над ними привело к хаосу, фрагментации общества и появлению возможностей для внешнего вмешательства в политику государств.

При этом злоупотребления происходят со стороны как государств, так и ТНК. Подтверждением этому могут служить откровения Эдварда Сноудена о том, что крупные технологические корпорации делятся данными со спецслужбами США, а также публикации Джулиана Ассанжа (основателя *Wikileaks*) о потенциальном сотрудничестве бывшего генерального директора *Google* Э. Шмидта с предвыборным штабом Х. Клинтон по вопросу предоставления данных об избирателях в 2016 г.⁴

Автор отмечает, что поскольку технологические корпорации чаще склоняются к левым политическим взглядам, то это оказывает влияние и на поисковые алгоритмы. Так, например, исследование Северо-Западного университета США демонстрирует, что в поисковых алгоритмах *Google* существует значительный перекоc в сторону левых взглядов. Тем самым *Google* может значительным образом влиять на политический выбор пользователей посредством корректировки поисковых алгоритмов о кандидате или партии.

На фоне этого Россия и Китай стремятся к суверенному интернету и пытаются снизить влияние иностранных технологических ТНК на внутреннюю политику посредством их локализации. Россия требует от зарубежных технологических компаний открывать представительства и хранить данные пользователей на территории РФ, а китайский Интернет практически полностью закрыт от внешнего мира.

На основании этих наблюдений автор делает вывод, что стремление государств к суверенному Интернету схоже с Вестфальским миром 1648 г., так как великие державы стремятся взять под контроль собственное цифровое

³ Paul Farhi (2013) Washington Post to be sold to Jeff Bezos, the founder of Amazon. *The Washington Post*. Available at: https://www.washingtonpost.com/national/washington-post-to-be-sold-to-jeff-bezos/2013/08/05/ca537c9e-fe0c-11e2-9711-3708310f6f4d_story.html (accessed: March 7, 2021).

⁴ Avery Hartmans (2016) Stolen emails reveal a tight relationship between Google's Eric Schmidt and the Clintons. *Insider*. Available at: <https://www.businessinsider.com/wikileaks-emails-google-eric-schmidt-relationship-with-clintons-2016-11> (accessed: March 7, 2021).

пространство и добиться принципа невмешательства со стороны других стран. Таким образом, 4ПР несет значительные риски для демократии, потому что попытки великих держав восстановить контроль над цифровой коммуникацией зачастую приводят к авторитарным злоупотреблениям.

По мнению автора, 4ПР также бросает вызов жизнеспособности капитализма, так как роботизация и автоматизация приводят к отчуждению капитала от труда. Несмотря на то, что идеологи XIX и XX вв. не смогли найти жизнеспособную альтернативу капитализму, это совсем не означает, что коммунизм себя полностью изжил. Ведь «созидательное разрушение» приводит к уничтожению целых отраслей экономики, при этом организация труда в эпоху 4ПР требует значительно меньше рабочих мест.

Бесспорной заслугой капитализма является то, что за все время своего существования он позволил сотням миллионов людей преодолеть черту бедности. В то же время концентрация богатства у собственников капитала привела к неравенству и эксплуатации. Тем не менее если брать США как главную капиталистическую страну, то до 1970-х гг. появление новых технологий способствовало повышению производственной эффективности и заработной платы рабочих. Однако уже в 1980-е гг. повышение производственной эффективности стало приводить к большей концентрации богатства у собственников капитала. Впоследствии цифровая революция (1990–2000 гг.) реструктурировала экономику и позволила ТНК стать крупнее и прибыльнее, в то время как доходы рабочего класса стагнировали и даже снижались.

Автоматизация повышает производительность труда, но из-за снижения необходимости в человеческом труде снижается и заработная плата. Поэтому новым вызовом для капитализма становится не производство необходимых благ, а создание достаточного количества рабочих мест.

Важно отметить, что попытки развитых стран вернуть рабочие места на свою территорию (по аналогии с политикой бывшего президента США Д. Трампа) носят скорее популистский характер, нежели реальную политику в борьбе с безработицей. В качестве примера можно привести ситуацию с компанией *Carrier*, которая в рамках программы по сохранению рабочих мест получила финансовую поддержку для предотвращения оффшоризации производства. В итоге компания сохранила производство в США, но полученные деньги потратила на автоматизацию, чтобы оставаться конкурентоспособной, а рабочие места в итоге все равно были сокращены.

Одновременно Дизен считает, что технологическую безработицу важно рассматривать не только в экономической плоскости, но и с антропологической точки зрения. Ведь работа – это не только источник существования, но и важнейшая составляющая человеческого достоинства, морали и собственной причастности к окружающему миру.

Автор считает, что рациональность людей переоценена, а это приводит к ошибочным ожиданиям относительно способности адаптироваться к новым технологиям. На деле же мы, с одной стороны, стремимся к развитому технологическому обществу, но, с другой стороны, инстинктивно тяготеем

к традиционному сообществу, объединенному социальным капиталом, общими нормами, близостью и родством. Проф. Дизен характеризует данное противоречие в природе человека как дилемма общества (*Gesellschaft*) и сообщества (*Gemeinschaft*).

По этой причине последствия технологической безработицы не могут быть полностью решены только с помощью безусловного базового дохода (ББД), т.к. это вряд ли вернет тот смысл в жизнь человека, который он находит в своей деятельности и возможности влиять на мир вокруг себя. Поэтому 4ПР может стать катастрофой для человечества, если развитие технологий будет сфокусировано только на снижении трудозатрат и повышении эффективности, ведь таким образом технологии будут отнимать у нас сообщество (*Gemeinschaft*), в котором мы нуждаемся.

Примечательно, что в своих рассуждениях на эту тему Дизен в качестве одной из ключевых проблем целеполагания великих держав в ближайшем будущем видит «необходимость поиска новых смыслов существования для населения». По его мнению, данный запрос может быть удовлетворен посредством исследований космоса, который может стать ареной для борьбы великих держав за статус, ресурсы и новые технологии. Подобно тому, как социальные потрясения 1ПР побудили великие державы к колониализму, таким же образом 4ПР может привести великие державы к борьбе за контроль над внеземным пространством. Если человечеству не удастся найти подходящего нового смысла для сообщества, то есть вероятность, что государства могут вступить в соперничество друг с другом на этой планете.

По мнению автора, попытки отдельных стран и геоэкономических блоков управлять миром без участия ключевых великих держав приводят к фрагментации международной системы и дестабилизации обстановки. Использование США внутреннего законодательства на территории других стран полностью противоречит международному праву и представляет собой попытку использовать асимметричную технологическую и экономическую зависимость, чтобы занять привилегированное положение в системе глобального управления. США идут на такой шаг из-за того, что обладают контролем над инструментами геоэкономического влияния (как, например, международная межбанковская система *SWIFT*). Китай, Россия и другие развивающиеся страны не согласны с двойственностью либерального международного порядка, в котором Соединенные Штаты следят за соблюдением правил другими акторами, но себя этими правилами не связывают. Растущая экономическая мощь Китая и отсутствие вдоль его границ экспансионистских военных и геоэкономических блоков позволили Пекину постепенно нарастить собственное влияние. Впоследствии Китай был вынужден частично интегрироваться в западноцентричную систему глобального управления. При этом стратегически верным решением КНР стали значительные инвестиции в государственный долг США, что является одной из причин, которые сдерживают Вашингтон от прямой конфронтации с Пекином.

Четвертая промышленная революция действительно делает технологический суверенитет ключевым фактором в противостоянии великих держав. Новые технологии несут в себе потенциал для преодоления экономических, социальных и экологических вызовов. Но они же и могут привести к обострению конфликтов между великими державами.

Comparative Politics. Volume 13. No. 3. July–September / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-3-13-140-148

IMPACT OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION ON GREAT POWER POLITICS

Oleg V. KALININ – PhD student, MGIMO University.
ORCID: 0009-0003-8312-1288.
76 Pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 24, 2023

Accepted October 30, 2023

Keywords: Fourth Industrial Revolution, USA, China, Russia, Geoeconomics, Technological Sovereignty.